

УДК 002.2(47+57)(092)Рубакин Н.А.(049.32)

ББК 76.1г(2)дРубакин Н.А.

DOI 10.25281/0869-608X-2020-69-1-7-19

А.В. СОКОЛОВ

Гуманистическое наследие Н.А. Рубакина в контексте феномена цифровой ноосферы

Реферат. Выход в свет книги Ю.Н. Столярова «Возвращенный Рубакин» — событие экстраординарное в отечественной книжной культуре. Она представляет собой библиологическую эпопею, отличающуюся обширным социальным фоном и многообразием персонажей русского Серебряного века (конец XIX — первая треть XX в.). Вместе с тем эта книга является научной биографией классика книжного дела и ценным вкладом в библиологическую биографику. Сделан вывод, что созрели предпосылки для формирования библиологической биографики, обобщающей человековедческие исследования библиотекведов, библиографоведов, книговедов. Идеиную позицию эпопеи «Возвращенный Рубакин» выражает тезис: книга — средство выращивания интеллигенции. Традиционно интеллигенция понималась в России как разумная, образованная, умственно развитая часть жителей. Подробно рассмотрена концепция интеллигенции, выдвинутая Н.А. Рубакиным. В этой концепции воплощен этический идеал человечности — интеллигент-книжник Серебряного века. Статью завершает футурологическая фантазия: Н.А. Рубакин в цифровой ноосфере. Обсуждаются следующие вопросы: искусственный интеллект на службе библиопсихологии; человек — невольник искусственного интеллекта; гипотетическое царство бесчеловечности; биографика человечности.

Ключевые слова: библиологическая эпопея, библиография, библиология, библиопсихология, библиотека, библиотекведение, биографика, биография, интеллигенция, искусственный интеллект, книжная культура, книговедение, ноосфера, Н.А. Рубакин, Серебряный век, футурология, человечность, эпопея, этика.

Для цитирования: Соколов А.В. Гуманистическое наследие Н.А. Рубакина в контексте феномена цифровой ноосферы // Библиотековедение. 2020. Т. 69, № 1. С. 7—19. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-1-7-19.

Стимулом для написания статьи послужил выход в свет книги Юрия Николаевича Столярова «Возвращенный Рубакин» [1]. Традицию «возвращения Рубакина» Русская школьная библиотечная ассоциация (ныне — Ассоциация школьных библиотекарей русского мира, РШБА) начала в 2014 г. изданием посвященной книговед� хрестоматии, творчески и любовно составленной В.А. Боро-

**Аркадий Васильевич
Соколов,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры,
профессор
Дворцовая наб., д. 2,
Санкт-Петербург, 191186,
Россия

доктор педагогических наук
ORCID 0000-0002-7745-2174;
SPIN 7496-4193
E-mail: sokolov1.spb@gmail.com

диной и С.М. Бородиным [2]. Книга Ю.Н. Столярова — продолжение «рубакинской традиции» РШБА. Она представляет собой результат многолетнего, вдохновенного и самоотверженного труда ведущего современного педагога библиотечной школы и библиотековеда-энциклопедиста, который адресован теоретикам и практикам, историкам и студентам книжного дела, психологам-читателеведам и вдумчивым завсегдатаям читальных залов. На первый взгляд, может показаться, что «Возвращенный Рубакин» — это очередное пополнение сериала биографий «Жизнь замечательных людей», напоминающее обитателям XXI в. о жизненном пути и многогранной деятельности одного из героев истории и культуры минувшего столетия. Но подобным поверхностным впечатлением довольствоваться нельзя. Нужно правильно понять истинный смысл метафоры «вернуть Рубакина в наши дни», ведь Николай Александрович Рубакин — один из творцов книжной культуры Серебряного века. Можно ли «возвратить» его в эпоху Интернета и искусственного интеллекта? Может быть, «возвращение Рубакина» надо понимать как «воскрешение», извлечение из царства теней нетленного образа интеллигента-книжника? Но тогда к какому роду и жанру литературы следует причислить новоявленную книгу профессора Ю.Н. Столярова? В чем ее научная и практическая ценность? Зачем будущему оцифрованному информационному обществу могут понадобиться книжные курьезы вроде воскрешенного Рубакина? Задача настоящей статьи — предложить некоторые, разумеется, дискуссионные ответы на поставленные вопросы.

Библиологическая эпопея Серебряного века

Начнем с элементарного, казалось бы, вопроса об уточнении рода и жанра сочинения Ю.Н. Столярова. В издательской аннотации сказано, что «Возвращенный Рубакин» — это «аналитический обзор жизни и многогранной деятельности классика нашей науки Н.А. Рубакина» [1, с. 4]. *Аналитический обзор* понимается в библиотечно-информационной сфере как результат аналитико-синтетической переработки совокупности документов «в процессе их анализа и извлечения необходимой информации» (ГОСТ 7.0–99, п. 3.2.1.9). Книга «Возвращенный Рубакин», конечно, не чужда аналитико-синтетической переработке опубликованных и неопубликованных (архивных) документов,

но ее научная и практическая ценность не исчерпывается массивом справочно-исторических данных. Несомненное достоинство труда Ю.Н. Столярова в том, что это продукт *научно-литературного творчества* автора, а не педантичная переработка известной информации. Более того, «возвращенный Рубакин» обладает качеством *художественного образа*, то есть, с одной стороны, «представляет собой результат предельно индивидуализированного художественного описания, с другой — несет в себе обобщающее начало и обладает свойствами символа» [3, с. 102].

Учитывая сказанное, атрибуцию многоаспектного произведения Ю.Н. Столярова резонно увязать не с терминологией информационных технологий, а с классической типологией литературы, с античных времен (Аристотель) насчитывающей три рода: эпос, лирика, драма. Каждый род, в свою очередь, дифференцируется на жанры, отражающие те или иные аспекты родового начала. Наиболее крупным эпическим жанром считается *эпопея*, повествующая о мифических или исторических событиях, отличающаяся широким кругом персонажей и обширным социальным фоном. Особую роль в эпопее играет автор-повествователь или рассказчик, отделяющий себя от изображаемого и даже дискутирующий с главным героем [3, с. 209]. Книга Ю.Н. Столярова при ближайшем рассмотрении соответствует типологическим признакам эпопеи. Она воспроизводит книжную культуру Серебряного века, прославленную исключительным взлетом духовной энергии в России рубежа XIX–XX веков. По словам отечественного исследователя феномена таланта В.Ф. Овчинникова, «Серебряный век — сияние России во всех областях творческой деятельности, пик в эволюции генерации таланта и гениальности в русской культуре. (И кто знает, повторится ли он хотя бы в отдаленной от нас исторической перспективе)» [4, с. 260]. Н.А. Бердяев вспоминал: «Только жившие в то время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое влияние духа охватило русские души... Много дарований было дано русским людям начала века» [5].

Николай Александрович Рубакин (1862–1946) — олицетворенный символ эволюции отечественной книжной культуры, поэтому эпопею, детально описывающую его жизненный путь, мировоззренческие убеждения и творческие достижения, правомерно назвать *«библиологической эпопеей»* («библиоэпопеей»). Правда, классическое литературоведение

подобного эпического жанра не знает, но новаторское литературное творчество Ю.Н. Столярова вынуждает нас расширить типологические рамки и даже немного их дополнить. «Возвращенный Рубакин» — произведение эпического масштаба, ибо на его страницах оживает великолепная и противоречивая книжная культура Серебряного века. Здесь мы встречаемся с Львом Николаевичем Толстым и толстовцами П.И. Бирюковым, И.И. Горбуновым-Посадовым, В.Г. Чертковым, которых Н.А. Рубакин называл своими друзьями и совместно с ними всю свою жизнь вел борьбу «с властью тьмы, относя к этой тьме и войну, и революцию, и всякие иные насилия» [1, с. 147]. Рядом с ними — непримиримые борцы с самодержавием В.Н. Фигнер, П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов, П.Н. Миллюков, В.И. Ленин. Органической частью библиологической эпопеи являются увлекательные биографические очерки об интеллигентах-просветителях XIX в., предшественниках и учителях молодого Н.А. Рубакина, таких как Х.Д. Алчевская (1841–1920), С.А. Ан-ский (1863–1920), А.М. Калмыкова (1849–1926), с которыми соседствуют биографические справки о Н.И. Костомарове, В.О. Ключевском, Н.И. Карееве — выдающихся российских историках и других, порой малоизвестных интеллигентах-книжниках. Эпистолярное наследие Н.А. Рубакина исчисляется несколькими тысячами писем; постоянными корреспондентами были европейские интеллектуалы Поль Отле, Ромен Роллан, Адольф Ферьер. Особо поблагодарим Ю.Н. Столярова за извлечение из несправедливого забвения «типичного рубакинца» М.А. Макаровского (1893–1918), который «прожил короткую, но яркую и достойную жизнь, продемонстрировав верность идеям своего учителя Н.А. Рубакина и возможность их реализации» [1, с. 104]. Исторически чуткий Юрий Николаевич не забыл напомнить, что в 1938 г. в Московском библиотечном институте Д.М. Лекаренко защитил первую в стране кандидатскую диссертацию по библиотековедению «Изучение читателя в до-

революционной России», в которой упомянут Н.А. Рубакин.

Созданная Ю.Н. Столяровым библиологическая эпопея отличается обширным социальным фоном и многообразием персонажей; достаточно сказать, что в указателе имен представлены более 300 персон, а в «Библиотечной энциклопедии» (2007) насчитывается около 500 статей-персоналий [6]. Получается, что

вместе с Н.А. Рубакиным в наши дни «возвращается» добрая половина служителей книги Серебряного века, память о которых хранят страницы библиологической эпопеи. Но эпическим нарративом не исчерпывается эвристическая ценность творчества Ю.Н. Столярова. «Возвращенный Рубакин» не только эпопея русской книжности, но и *научная биография* одного из классиков книжного дела России. Поскольку научно осмысленные биографии — эмпирическая база для межнаучной дисциплины, именуемой «*биографика*», труд Ю.Н. Столярова превращается в предпосылку для формирования би-

блиологической биографики, воспроизводящей *человечность* служителей книжного дела — библиотекарей, библиографов, книгоиздателей, ученых книговедов и книготорговцев.

Библиологическая биографика

Биографика — одна из древнейших отраслей человековедения. Вспомним «Сравнительные жизнеописания» древнегреческого писателя и историка Плутарха (ок. 46–120 г. н. э.), которые положили начало морально-этической направленности биографических повествований [7]. Плутарх прекрасно знал античную литературу, историю, философию своего времени, но приоритет отдавал не последовательному изложению фактов и описанию личности того или иного героя, а воспитанию добродетельного человека. Он предпочитал хранить память о самых лучших и знаменитых людях, отбрасывая дурное и низкое, так как внимание к низким предметам свидетельствует о пренебрежении к добродетели.

Переплет издания [1]

тели. Уму человеческому, по его мнению, присуще стремление к добру, и в этом стремлении его следует всячески укреплять, направляя на изучение деяний, источником своим имеющих добродетель [8, с. 11]. Твердые и благородные моральные устои обеспечили сочинениям Плутарха почетное место в истории литературы Европы и в политических движениях, включая русских декабристов [9, с. 238–239]. Я убежден, что если бы Н.А. Рубакин жил в Древней Греции, то Плутарх включил бы книговеда в свою портретную галерею совместно с другим библиотечным гением — Николаем Федоровичем Федоровым (1829–1903). Впрочем, не будем терять надежду, что кто-либо из молодых библиотековедов рискнет украсить отечественную биографику сравнительным жизнеописанием Рубакин — Федоров.

Возвращаясь из античности в Новое время, констатируем, что в эпоху Серебряного века историки, социологи, психологи, культурологи разных стран обратили внимание на то, что личная переписка, дневники, мемуары, интервью, другие документы личного характера при достаточно тщательной обработке могут служить источником ценных фактических данных и характеризовать важные социальные закономерности. Пионерами использования биографического метода в виде анализа личных писем стали польские социологи, осуществившие проект «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920). Почти столетний опыт применения биографических методов в социологии обобщен в монографии [10]. Кроме социологии идея биографики получила признание в истории, где в наши дни принята дефиниция: «*Биографика* — вспомогательная историческая дисциплина, разрабатывающая теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий; тесно связана с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, вспомогательными историческими дисциплинами» [11, с. 31]. Подчеркивается важность изучения документов мемуарных жанров, работы в государственных и частных архивах. Культурологи, в свою очередь, приветствовали формирование биографики. Профессор С.Н. Иконникова разъясняла: «*Биографика* как отрасль исторического знания исследует основные модели, понятия, структуру жизнеописания, степень достоверности фактов, соотношение документальных источников и художественного вымысла... Портретная галерея выдающихся деятелей культуры является

частью исторической культурологии и позволяет более полно представить роль личности в развитии творческого потенциала культуры» [12, с. 7].

Наметилась *отраслевая дифференциация* научной дисциплины «биографика» на биографику социальную, историческую и культурологическую. В.П. Леонов в монографии «Библиография как профессия» специально остановился на проблемах библиографической реконструкции биографии личности и библиографической трансформации биобиблиографии, связывая их с идеей биографики [13, с. 95–102]. Г.В. Михеева, со своей стороны, выступила со статьей «Биографика как фундамент воссоздания истории библиографии» [14]. Можно заметить, что вырисовываются контуры «библиографической биографики». Библиотековеды, естественно, не остались в стороне. В.С. Крейденко в одной из статей с недоумением вопрошал: «А почему бы нам сегодня не активизировать работу по сбору и обработке материалов о выдающихся наших ученых? И создав их научные биографии, начать активно пропагандировать наследие, оставленное этими великими людьми <...> Без осмысления биографии той или иной персоны, ее сущностного и личностного контекста, любое исследование библиотечной отрасли... теряет тот импульс, который необходим для понимания духовных процессов <...> Биографии выдающихся людей в любом обществе представляют собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции, а в учебном процессе... способствуют привитию любви к профессии, вызывая стремление подражать своим кумирам» [15, с. 3–5]. Далее Владимир Семенович призывал к созданию «специальной комплексной науки, названной “Биографика”» [15, с. 5], которая занималась бы вопросами возникновения и историей развития биографического жанра, разработкой структуры биографий различных видов и биографических методов исследования отдельных персон, коллективов людей и социальных групп. На призыв В.С. Крейденко откликнулись чуткие библиотековеды: М.Н. Колесникова предложила метод реконструкции научной биографии применительно к библиотековедческому исследованию [16]; Е.В. Медведева разработала в контексте биографики многоаспектную классификацию биографий [17]; Г.В. Варганова опубликовала серию методологических статей, отражающих международный опыт биографики [18].

Можно констатировать, что созрели предпосылки для формирования *библиологической биографики*, обобщающей человековедческие исследования библиотекведов, библиографоведов, книговедов. Объединение служителей книги в общую когорту логично и желательно, потому что на практике выдающиеся библиотекведы одновременно были выдающимися книговедами и выдающимися библиографами. Однако в справочной и учебной литературе понятие «библиологическая биографика» не встречается. Даже всеведущий Ю.Н. Столяров, прекрасно осознающий научную и педагогическую значимость биографической литературы, воздерживается от анализа сущностных особенностей биографики, предпочитая вдохновенно пополнять биографические фонды шедеврами жизнеописания. Я имею в виду научную биографию Ю.В. Григорьева [19] и книгу «Возвращенный Рубакин» — библиологическую эпопею Серебряного века. Появление подобных трудов является убедительным аргументом для признания библиологической биографики не только в качестве вспомогательного методического инструмента, а также в качестве идейно насыщенного раздела науки о книге. Рассмотрим идеологические аспекты биографики на примере эпопеи, созданной Ю.Н. Столяровым.

Идейность библиологической эпопеи

Очевидно, что библиологическая эпопея, в которой роль главного героя исполняет Н.А. Рубакин, не может быть безыдейным опусом, ибо, как четко сформулировал Ю.Н. Столяров, Н.А. Рубакин «создал отдельную, самобытную, чрезвычайно оригинальную главу в культуре нашего народа» [1, с. 10]. В литературоведении *идейность* литературного произведения трактуется как выраженность позиции автора по отношению к изображаемому, авторское видение и оценка явлений жизни, отраженных в произведении, представленная в произведении общественная тенденция [3, с. 57]. Какую идейную тенденцию выражает «Возвращенный Рубакин»? Эта тенденция легко распознается: она представляет собой ту общественно важную идею, служению которой посвятил свою подвижническую жизнь Николай Александрович Рубакин. Суть идеи проста: *Книга — средство выращивания интеллигенции*. «Слово “книга” надо понимать в самом широком смысле. Все сказанное... одинаково приложимо не только к

печатному, но и к устному слову, и к музыкальной пьесе, и к живописи, и даже к скульптуре и архитектуре» (Примеч. Н.А. Рубакина), то есть любой источник психофизического возбуждения читателя [1, с. 178]. Нельзя сказать, что столь широкая трактовка книги является бесспорной, хотя Ю.Н. Столяров с ней согласен и даже признает «устные документы». Зато рубакинское определение интеллигенции больше согласуется с традициями социальных наук и заслуживает особого внимания.

Формирование личности Н.А. Рубакина происходило одновременно со становлением интеллигенции в качестве межсословного социального слоя. В русской лексикографии слово «интеллигенция» впервые было зафиксировано во втором издании (1880–1882) «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля с формулировкой «интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей», которая повторялась всеми дореволюционными энциклопедическими словарями. В качестве признаков «интеллигентности» здесь выступают: во-первых, *образованность*, во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность*. В Серебряном веке Р.В. Иванов-Разумник, осмысливая сущность русской интеллигенции, пришел к выводу, что «интеллигенция и мещанство — это две силы, действующие в диаметрально противоположных направлениях, две непримиримо враждебные силы; мещанство — это та среда, в неустанной борьбе с которой происходил процесс развития русской интеллигенции» [20, с. 16]. Пренебрежение бытовым комфортом, подчинение личных интересов общественным требованиям, аскетический и альтруистический образ жизни всегда были свойственны одухотворенным и бескорыстным служителям русской культуры. Уже в наше время М.С. Каган отчеканил афоризм: «интеллигент — образованный человек с большой совестью», представляющий собой «особый социально-психологический тип человека, сложившийся в России в XIX веке в силу особых исторических условий» [21]. Таким образом, обнаружился третий элемент в формуле русской интеллигентности: *антимещанское этическое самоопределение*, выражающееся, во-первых, в альтруистической направленности личности, во-вторых, в противостоянии самодержавию всеми средствами, включая силовые, в третьих, в благоговении перед культурой.

Педагог-просветитель Н.А. Рубакин гораздо более развернуто и проблемно раскрывает понятие интеллигенции. В «Письмах к читателям о самообразовании», впервые опубликованных в 1911 г. и переизданных в 1913 и 1919 гг., автор задает вопрос: «Что такое образованный, интеллигентный человек?» и отвечает на него следующим образом: «Интеллигентный человек — это такой человек, который настолько знает и понимает жизнь, и ее ход, и ее потребности, и ее нужды, что в любой момент может проявить себя их действительным выразителем». Здесь же Н.А. Рубакин перечисляет критерии интеллигентности [22, с. 19–25]:

1) *Образованность*, предполагающая «разносторонние, точные, достоверные знания, на которые должно всегда опираться, умение вдумываться, оценивать и понимать». Но ученость еще не образованность. «Действительно образованный человек, — подчеркивает Н.А. Рубакин, — не тот, кто окончил какое-либо, хотя бы даже высшее, учебное заведение, — мало ли неучей, узких специалистов или ловких карьеристов из них выходит! Не тот, кто перечитал на своем веку много, хотя бы самых хороших книг. Не тот, кто накопил в себе теми или другими способами некоторый запас, хотя бы и очень большой, разных знаний» [22, с. 19]. «Человеком действительно образованным» Н.А. Рубакин называет не кабинетного ученого, а того, кто не забывает о злобе дня и готов «в любой момент, в случае нужды явиться выразителем потребностей и нужд окружающей общественной жизни» [22, с. 19–25].

2) *«Умение вдумываться, оценивать, понимать окружающую действительность, ориентироваться в ней в любой момент и на любом месте, не теряя самостоятельности своего мышления»*. Книговед призывал своих корреспондентов: «жизнь надо не только знать, но и уметь правильно оценивать ее, по крайней мере, с четырех точек зрения... одновременно: ...1. Критерий научной истины. 2. Критерий общественной справедливости. 3. Критерий предельной доброжелательности ко всякому живому существу, а к человеческой личности, страдающей, чувствующей и мыслящей, — в особенности. 4. Критерий красоты (ведь она-то и действует на людей особенно сильно)» [1, с. 207].

3) Особенно настойчиво Н.А. Рубакин подчеркивал *альтруизм* интеллигентного человека, способного «проникнуться до самых своих основ духом общности»: «действительно образованный и интеллигентный человек не

может быть образованным про себя и только для себя. Он — образованный для всех, он — одно из светлых явлений в том уголке, где он живет; он — источник, он — естественный распространитель света и вообще добра в своем уголке» [22, с. 24].

4) *«Отзывчивость*, способность не только видеть и понимать окружающую жизнь, но и чувствовать, переживать ее, умение ставить самого себя в положение тех, с кем сталкиваешься в жизни, принимать в расчет чужие переживания» [22, с. 23]. «Образованный человек, — повторяет Н.А. Рубакин, — должен быть совершенно чуждым духу нетерпимости и идейной исключительности, и на каждое с ним несогласное мнение он не может не смотреть прежде всего как на факт, который нужно узнать и признать как таковой» [22, с. 19–25].

5) *Активность*, которая «заключается не в том, чтобы приспособливаться к окружающей среде <...>, а чтобы, напротив, в этой самой среде и даже в любой среде прокладывать дорогу для проявления своего ума, чувства, воли, творчества... Активность — это наступательное отношение к жизни... активность, в конечном итоге, сводится к умению вести свою линию, не считаясь с препятствиями, обходя их, а то и устраняя путем борьбы» [22, с. 23].

Руководствуясь перечисленными критериями интеллигентности, Н.А. Рубакин относил П.Н. Милюкова к тем русским ученым, мыслителям и революционерам, трудами которых были созданы кадры русских интеллигентов, армия идеалистов, которые на своих плечах в течение многих лет (1892–1917 — Серебряный век!) выносили главную тяжесть борьбы со всемогущим царизмом. П.Н. Милюкова он квалифицирует «как интеллигента в лучшем, самом высоком смысле слова потому, что он “способен защищать и водворять свое знамя не иначе как чистыми и благородными средствами”» [1, с. 156]. Зато В.И. Ленина, признавая его «одной из самых крупных, ярких и характерных фигур, выдвинутых революцией 1917 года», Н.А. Рубакин к интеллигентам не относил. Он усматривал в нем «волевой тип идейного деспота и фанатика», обуреваемого «нетерпимостью, доходящей до религиозного исступления» [1, с. 302, 304]. Самым характерным в личности Ленина-революционера Н.А. Рубакин считал то, что он «никогда не боялся браться за такое дело, какое, несомненно, превышает не только его, но и вообще человеческие силы, и делать его увлекательно-смело» [1, с. 305].

Надо признать, что при использовании биографики в качестве вспомогательного средства социологических, исторических, культурологических исследований вопрос о ее идейности предпрешен априори в силу вспомогательности биографического метода. Другое дело самостоятельные человековедческие (точнее, философско-антропологические) проекты, где речь идет о сущности человечности, смысле и цели жизни. Здесь выбор героя детерминирует идейную позицию автора. Идейная ценность эпопеи «Возвращенный Рубакин» обусловлена тем, что в ней утверждается *этический идеал человечности — интеллигент-книжник Серебряного века*. Интересно обратить внимание на переключку Плутарх — Рубакин. Плутарх стремился укреплять ум человеческий в его стремлении к добру, направляя людей на изучение деяний, источником своим имеющих добродетель, а Н.А. Рубакин желал «распространять и вкладывать в жизнь истины, добытые уже наукой, делать их всеобщим достоянием». При этом, по словам Ю.Н. Столярова, «решительно все, чем он занимался ...было подчинено одной цели: предоставить читателю возможность вырабатывать мировоззрение самостоятельно, строить справедливую жизнь мирными средствами, опираясь на лучшее из написанного лучшими умами человечества». И еще: «Н.А. Рубакин — образец принципиальности и кристальной честности по отношению к делу и к людям, с которыми общался. Он ни разу не покривил душой, не пошел против совести, и в этом отношении — пример всем нам» [1, с. 340].

Полностью соглашаясь с Юрием Николаевичем, невольно задумываешься, перелистывая его книгу, над следующими словами: «Прошло более 100 лет с тех пор, когда Н.А. Рубакин излагал свои взгляды на библиотечное дело и роль библиотекаря. Однако когда читаешь его труды, поражаешься тому, насколько они созвучны современности, тем задачам, которые стоят перед общедоступными библиотеками сегодня» [1, с. 343]. На своем не менявшемся никогда экслибрисе Н.А. Рубакин написал: «Книга — могущественнейшее орудие в борьбе за истину и справедливость». Книга была для него не самоцелью, не источником сладостного наслаждения — она была средством борьбы <...> Н.А. Рубакин в своих главных идеях и сегодня современен так же, как в конце XIX — первой половине XX века» [1, с. 344–345]. Ю.Н. Столяров обращает внимание на удивительный факт: вопреки глобальным войнам и револю-

циям, сотрясавшим планету в течение столетия после уникального творческого взлета русской культуры Серебряного века, пленительный образ интеллигента-книжника остается нашим живым современником, несмотря на конкуренцию со стороны Википедии и искусственного интеллекта. А если заглянуть в грядущую ноосферу? Отталкиваясь от эпопеи «Возвращенный Рубакин», представим воскресшего интеллигента-книжника в гиперболическом пространстве оцифрованной «постсовременной» России.

Н.А. Рубакин в цифровой ноосфере

Мировоззренческое кредо Николая Александровича Рубакина в значительной степени предопределила его энциклопедическая образованность. Он окончил с золотой медалью естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета, а также «одолел систематически» философско-юридический и историко-филологический факультеты. Прилежно посещая лекции выдающихся физиологов и историков, правоведов и математиков, «вечный студент» с юных лет отдавал предпочтение самообразованию, самостоятельно отбирая и штудирова в подлиннике классиков естественных и общественных наук, не забывая и «изящную беллетристику». Режим самообразования был, по сути дела, образом жизни интеллигента-книжника, создавшего две крупные (фонд около ста тысяч томов) общедоступные библиотеки в Санкт-Петербурге и в Швейцарии. Библиотека была для Н.А. Рубакина обителью вдохновения, где он создавал труды в окружении полка с размещенными на них книгами, журналами, газетами, брошюрами, каталогами. В целом его научное и литературное наследие составляет около 280 книг и брошюр, в том числе 50 руководств и пособий для работников книжного дела, свыше 350 журнальных публикаций, сотни газетных статей. По подсчетам неутомимого книгочея, за свои 80 лет он осилил более 250 тыс. книг (фантастический рекорд читательского трудолюбия) [1, с. 107–109; 264–276]. Всю жизнь Н.А. Рубакин руководствовался максимой: «Задача просветителя-пропагандиста — не учить народ, а напротив, самому учиться у него. Противиться социальному злу нужно обязательно, допустимы любые методы, кроме насильственных. В конечном счете слово оказывается сильнее любой формы насилия. Писать для народа следует предельно доступным, но точным языком» [1, с. 148].

Энциклопедист библиосферы Н.А. Рубакин охватил в своем творчестве практически всю систему знаний о книге и читателе. Его правомерно считать библиотековедом, библиографоведом, книговедом, методистом и пропагандистом, популяризатором научных знаний, теоретиком и практиком самообразования. Он автор руководств по библиотечному обслуживанию, комплектованию фондов, книгоизданию, теории книги, психологии чтения, фундаментальных библиографических пособий и большого массива научно-популярной литературы для малоподготовленных читателей. Но главным своим достижением неутомимый интеллигент-книжник считал «библиологическую психологию» (библиопсихологию) как особое направление науки и практической деятельности [1, с. 109]. По инициативе Н.А. Рубакина в 1916 г. была основана в Женеве секция библиологической психологии, которая в 1920-е гг. преобразовалась в Международный институт библиологической психологии, расположившийся в Лозанне. Главной движущей силой Института был, конечно, Н.А. Рубакин, успевший в конце своей жизни написать итоговую работу «Институт библиологической психологии и его библиотека. Книга как орудие борьбы за истину и справедливость. Теория и практика работы с книгой (1916–1946)», которая осталась в рукописи [1, с. 44]. Основные положения библиопсихологии впервые были опубликованы на русском языке в авторской редакции в 1929 г. под названием «Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию»; в 1977 г. издательство «Книга» переиздало труд Н.А. Рубакина, но с купюрами. Наиболее полное и хорошо комментированное издание вышло в 2006 г. [23].

В концепции библиопсихологии сконцентрирован мощный интеллектуальный потенциал энциклопедиста Н.А. Рубакина. Библиопсихология — результат оригинального и хорошо продуманного анализа отношения «книга — человек», которое имеет фундаментальное значение для ноосферного будущего человечества [24]. Поэтому, оценивая вклад педагога-просветителя в становление цифровой ноосферы, резонно обратиться к библиопсихологии. Суть библиопсихологии в предоставлении «работникам, стоящим около книг и сознательно относящимся к своему делу», простого и надежного метода для определения соответствия между читателем и подходящей для него книгой. Хотелось бы, чтобы, поль-

зуясь этим методом, всякий служитель книги (библиотекарь, библиограф, книготорговец) в ответ на запрос читателя «где я могу прочесть по такому-то, в данный момент интересующему меня вопросу?» смог бы дать точный и определенный ответ: «На этот ваш запрос вы, человек, имеющий такую-то подготовку, можете найти желательный вам ответ в такой-то книге» [23, с. 391]. Подобный уровень библиотечно-библиографического сервиса, сфантазированный Н.А. Рубакиным в предисловии к первому изданию библиографического указателя «Среди книг» (1905), является идеалом, который четверть века спустя Ш.Р. Ранганатан (1892–1972) декларировал в качестве библиотечных законов: «Каждой книге — своего читателя» и «Каждому читателю — свою книгу».

В отличие от индийского библиотековеда, Н.А. Рубакин не ограничивался декларациями, а предложил формальный алгоритм достижения желаемого результата. Алгоритм весьма прост: если библиопсихологическая формула книги достаточно полно соответствует библиопсихологической формуле читателя, книгу следует рекомендовать читателю. Формулы книги и читателя складываются из следующих восьми *главных библиопсихологических категорий*, постулированных Н.А. Рубакиным: понятия (П), образы (О), ощущения (Ощ), эмоции (Э), органические чувства (Ор), стремления и хотения (С), действия (Д), инстинкты (И). Каждая категория отражает читательские переживания, степень «осознаваемости» которых оценивается количественно в результате тщательного анкетирования читателей. Персональную библиопсихологическую формулу читателя можно получить путем перечисления в порядке убывания численных значений каждой категории для данного индивида.

Библиопсихологическая формула самого Н.А. Рубакина выглядит так [1, с. 359]:

$$П > Э > Д > Об > С > И > Ор > Ощ.$$

Здесь виден свойственный ученому-книжнику приоритет рационального мышления (П), достаточно высокий уровень эмоциональных (эстетических) восприятий (Э) и деятельной (волевой) активности (Д). Н.А. Рубакин полагал, что если каждое произведение печати снабдить библиопсихологической формулой, то руководство чтением упростится, ибо сведется к механическому подбору литературы, соответствующей формуле читателя. К сожалению, желаемого идеала библиотечно-библиографического сервиса достичь не удалось.

Дело в том, что при интеллектуальном (так сказать, «ручном») анализе содержания литературных потоков и выборочном анкетировании читателей, чем прилежно занимались немногочисленные сотрудники Института Н.А. Рубакина в Лозанне, реализация библиопсихологических алгоритмов является весьма трудоемким и субъективным процессом. Видимо, по этой причине после ухода из жизни основателя библиопсихологии его Институт прекратил свою деятельность. Но в эпоху цифровой ноосферы ситуация изменилась. Уместно вспомнить, что Н.А. Рубакин афишировал библиопсихологию как науку объективную, сплав психологии, социологии, физиологии и постоянно подчеркивал, что библиопсихология опирается на математику и естествознание. Он заявлял: «Библиотечная психология — не физика еще. Но она идет и, вероятно, придет к такому идеалу» [1, с. 167]. Он убеждал, что «библиопсихология есть один из отделов точного знания, одна из позитивных наук, применяющая в своей области основные принципы естествознания и доводящая свои выводы до их математической формулировки» [1, с. 168]. Был ли присущ пророческий дар интеллигенту-книжнику? Может быть, пора включить в повестку дня XXI в. воскрешение книжной интеллигентности Серебряного века, начатое эпопеей «Возвращенный Рубакин»? Выскажу свою точку зрения, конечно, дискуссионную.

1. *Искусственный интеллект на службе библиопсихологии.* Определение библиопсихологической формулы книги или читателя и оценка степени их пересечения согласно разработанным Н.А. Рубакиным алгоритмам — элементарная задача для искусственного интеллекта. Благодаря использованию технологии машинного обучения и возможностей радиочастотной идентификации (Интернет вещей), круг решаемых библиопсихологических задач и услуг может быть значительно расширен в количественном и качественном отношении. Ориентиром может служить суперкомпьютер фирмы IBM, названный в честь первого президента фирмы Watson (Ватсон), который распознает все виды данных, включая неструктурированный текст, изображения, аудиосообщения, взаимодействует с людьми на естественном языке, может обучаться и самостоятельно делать логические выводы.

Проект «Ватсон», инициированный в 2014 г., предназначался для когнитивных (познание, изучение) сервисов в таких областях, как медицина, финансы, путешествия, телекоммуникации и торговля. Особенно успешным

оказался дебют суперкомпьютера в медицине, где он произвел революцию в диагностике и терапии рака. «Ватсон» способен хранить информацию обо всех известных человечеству болезнях и лекарствах, а также ежедневно пополнять свою базу данных не только результатами последних исследований, но и медицинской статистикой, предоставляемой клиниками и больницами, подключенными к системе. Он прекрасно знаком не только с каждым звеном генома своих пациентов и каждым эпизодом их медицинской истории, но и учитывает медицинские данные всех родственников. Теоретически ничто не мешает построить *Искусственный суперинтеллект «Рубакин»*, который обеспечил бы библиопсихологическое руководство чтением всех школьников, студентов, а может быть, и пенсионеров России. Найдутся ли инвесторы?

2. *Человек — невольник искусственного интеллекта.* Следует иметь в виду, что доверчивым людям угрожает расплата за комфортабельный сервис, предоставляемый искусственным интеллектом. Типичный эпизод книжной торговли в виртуальном магазине Amazon. Появившегося клиента немедленно приветствует маркетинговый алгоритм, сообщаящий, что знает его книжные предпочтения, и советующий книги, которые покупают люди с аналогичными вкусами. Откуда он знает вкусы покупателей? Просто электронный книготорговец постоянно наблюдает читательское поведение пользователей электронных книг. Он запоминает, какие части книги были прочитаны медленно, а какие быстро; на какой странице был сделан перерыв; что читателя рассмешило, что опечалило. Получается, что электронная книга читает своего читателя, пока он читает ее. Такая осведомленность позволяет Amazon уверенно отбирать книги, интересующие данного клиента. Сервис отличный! Что же дальше?

По мере того как глобальная система обработки данных делается всезнающей и всемогущей, люди охотно растворяются в информационном потоке, потому что, становясь его частью, начинают ощущать себя частью неизмеримо большего, чем они сами. Большинству это даже нравится. Не исключено, что технологии XXI в. позволят внешним наблюдателям узнать индивида лучше, чем он сам себя знает. Как только это случится, люди перестанут быть психологическими существами, живущими в соответствии со своими желаниями, а привыкнут воспринимать себя в качестве безвольных

объектов, которые находятся под постоянным мониторингом и контролем сети алгоритмов. Они будут носить в своих телах массу биометрических устройств, киберорганов и нанороботов, призванных оберегать их здоровье. Правда, либеральные мыслители не исключают, что злостное использование биотехнологий и компьютерных алгоритмов может превратить нашу планету в кошмарное царство бесчеловечности. Что они имеют в виду?

3. *Царство бесчеловечности* может возникнуть по вине самих людей. Возможны две причины: а) искусственный интеллект превзойдет человека в решении большинства социальных задач, появится огромный класс экономически бесполезных людей; б) человечество распадется на биологически несовместимые касты.

Социальная статистика США показывает, что всего 2% американцев заняты в сельском хозяйстве и 20% в промышленности, тогда как 78% («белые воротнички») работают учителями, врачами, библиотекарями, дизайнерами веб-сайтов и т. п. Аналогичная структура наблюдается в других развитых странах. Стремительное развитие робототехники и технологий искусственного интеллекта вытесняет как «белые», так и «синие» воротнички с рынка труда. К тому же в XXI в. государства перестали нуждаться в наращивании живых вооруженных сил, поскольку, если случится крупная кибервойна, она продлится всего несколько минут, в течение которых будет выведена из строя энергосистема страны, включая атомные станции и химические производства, уничтожены все центры управления и коммуникации и т. д. Таким образом, в наши дни человечество оказывается отягощенным многомиллионным (миллиардным?) балластом иждивенцев, лишенных какой бы то ни было экономической, политической и даже культурной ценности, никак не содействующих процветанию, силе и славе страны. Этот «бесполезный класс» будет не просто неработающим — он будет неспособным. Допустим, постиндустриальная экономика позволит прокормить эти бесполезные массы, не требуя от них ничего взамен. Но чем заполнить их свободное время? Наркотики и компьютерные игры? Нелишне вспомнить рубакинские «Этюды о русской читающей публике». К сожалению, затруднительно использовать самообразовательный потенциал библиопсихологии, поскольку мы не представляем, чему учить молодежь, и каким будет рынок труда в 2030 г., а тем более в 2040-м. Известно только,

что львиная доля школьных знаний утратит актуальность к сорокалетию нынешних учеников. Единственное, что останется человеку, который не хочет деградировать, — всю жизнь учиться и достаточно часто переучиваться. Многим людям это будет не под силу. Возможно даже — большинству.

По мере вытеснения людей с рынка труда, богатство и власть будут концентрироваться в руках тонкого слоя элиты — владельцев всемогущих суперкомпьютеров. Социальное и политическое неравенство достигнет беспрецедентного уровня и трансформируется в неравенство биологическое. Бесстрашные футурологи предвидят разделение людей на две *биологические касты*: первая каста — большинство людей, утративших личностную идентичность и находящихся в подчинении внешней компьютерной системы, которая, избавляя от забот своих подопечных, принимает за них большинство важнейших решений. Вторая *каста сверхлюдей* — малочисленная привилегированная элита усовершенствованных людей, которых искусственный интеллект не сможет ни расшифровать, ни заменить. Они будут обладать неслыханными способностями и беспрецедентным креативным потенциалом, что позволит им самовластно управлять миром. Поскольку подавляющее большинство людей не будут усовершенствованы, они станут низшей кастой, подчиненной как компьютерным алгоритмам, так и фантастическим сверхлюдям.

Футурологи предсказывают: «В будущем мы можем увидеть, как между усовершенствованным высшим классом и остальным обществом возникнет колоссальный разрыв в физических и умственных способностях. В прошлом веке целью медицины было лечение больных. В XXI веке медицина все больше перестраивается на усовершенствование здоровых. Усовершенствование здоровых — проект элитарный: он отвергает идею универсального стандарта и ищет способы наделять избранных превосходной памятью, выдающимся умом, баснословной выносливостью и т. д.» [25, с. 407]. Поскольку солдаты и рабочие уступят место роботам, вполне возможно, что господствующая элита сверхлюдей, сообразит, что разумнее сосредоточиться на совершенствовании суперкомпьютеров, чем заботиться о здоровье бесполезных иждивенцев или, тем более, следуя призывам Н.А. Рубакина, просвещать народные массы. Есть опасение, что сверхлюдей не будет интересовать культурное

наследие прошлых веков, и они посчитают разумным ликвидировать памятники прошлого, хранящиеся в библиотеках и музеях. Этого допустить нельзя, потому что забвение прошлого означает утрату будущего. Биографика человечности есть дорожная карта пути в нософеру (заповедное царство разума).

4. *Биографика человечности*. Футурологи-технократы исходят из аксиомы, что естественная биологическая особь homo sapiens эволюционно себя исчерпала и подлежит модернизации посредством высоких технологий. Совершенную модель сверхчеловека планируется создать с помощью генной инженерии, нанотехнологий и нейрокомпьютерных интерфейсов. При этом должна произойти когнитивная революция, расширяющая горизонты человеческого разума и открывающая генетически неизвестные переживания и состояния сознания. Технократизм агрессивен, он побуждает человечество овладевать всеми происходящими в мире процессами и использовать их в собственных интересах. Беда в том, что если воинствующим технократам удастся овладеть средствами контроля и управления Вселенной, они не будут знать, что с ними делать, потому что техносфера не знает смысла существования человечества и чужда человечности. Отсюда актуальность сохранения и использования историко-культурного наследия цивилизации в условиях гуманитарно-технологической революции XXI в. [26]. Точками доступа к историко-культурному наследию являются биографические повествования о героях человечества, которые имеются в библиотечных фондах. Библиологическая биографика может служить гарантом сохранения традиций книжной интеллигентности, необходимых для передачи человечности рода homo sapiens из поколения в поколение. Становлению библиологической биографики, несомненно, будет способствовать выход в свет эпопеи «Возвращенный Рубакин» — события экстраординарного в отечественной книжной культуре. Спасибо тебе, добрый волшебник Юрий Николаевич Столяров, воскресивший библиоэпического героя Рубакина.

Список источников

1. Столяров Ю.Н. Возвращенный Рубакин. Москва : РШБА, 2019. 416 с.
2. Рубакин Николай Александрович : хрестоматия / авт.-сост. В.А. Бородин, С.М. Бородин. Москва : Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014. 423 с.
3. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. Санкт-Петербург : Паритет, 2006. 315 с.
4. Овчинников В.Ф. Феномен таланта в русской культуре : монография. Калининград : Янтарный сказ, 1999. 356 с.
5. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 135–136.
6. Библиотечная энциклопедия / гл. ред. Ю.А. Гриханов. Москва : Пашков дом, 2007. 1300 с.
7. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. Москва : Наука, 1973. 278 с.
8. Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. Т. 1. Москва : Правда, 1986. 592 с.
9. Античная литература : учебник / под ред. А.А. Тахо-Годи. Москва : Просвещение, 1986. 464 с.
10. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. Москва : Высшая школа экономики, 2012. 381 с.
11. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян ; Российская акад. наук, Институт всеобщей истории. Москва : Аквилон, 2014. 575 с.
12. Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2(11). С. 6–10.
13. Леонов В.П. Библиография как профессия. Москва : Наука, 2005. 124 с.
14. Михеева Г.В. Биографика как фундамент воссоздания истории библиографии // Библиография. 2012. № 4. С. 87–89.
15. Крейденко В.С. Выдающиеся библиотекведы, библиографоведы и книговеды как объект исследования. А почему бы и нет? // Библиосфера. 2011. № 2. С. 3–10.
16. Колесникова М.Н. Использование метода реконструкции научной биографии в библиотекведческом исследовании // Библиосфера. 2014. № 3. С. 3–5.
17. Медведева Е.В. Классификация биографий как один из методов биографики в контексте исследований библиотечной отрасли // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 2(22). С. 198–205. DOI: 10.17223/22220836/22/21.
18. Варганова Г.В. Биографические исследования в контексте междисциплинарного синтеза // Библиосфера. 2018. № 1. С. 31–35. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-31-35.
19. Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев. Москва : Книжная палата, 1989. 224 с. (Труды деятелей книги).
20. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 1. Индивидуализм и мещан-

- ство в русской литературе и жизни XIX в. Санкт-Петербург, 1907. 440 с.
21. Казан М.С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // Формирование российского интеллигента в университете. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2000. С. 130–133.
22. Рубакин Н.А. Избранное. В 2 т. Т. 2. Москва : Книга, 1975. 280 с.
23. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. Москва : Академический проект; Трикста, 2006. 800 с.
24. Соколов А.В. Ноосферный человек в библиотеке будущего // Библиотекословение. 2019. Т. 68, № 1. С. 7–17. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-1-7-17.
25. Харари Ю.Н. Номо Деус. Краткая история будущего. Москва : Синдбад, 2019. 496 с.
26. Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. Москва : Ленанд, 2018. 344 с.

Humanistic Legacy of N.A. Rubakin in the Context of Digital Noosphere Phenomenon

Arkadiy V. Sokolov,

St. Petersburg State Institute of Culture, 2 Dvortsovaya Nab., St. Petersburg, 191186, Russia

ORCID 0000-0002-7745-2174; SPIN 7496-4193

E-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Abstract. Publication of the book by Y.N. Stolyarov “Returned Rubakin” is an extraordinary event in the domestic book culture. It is a bibliological epic, characterized by extensive social background and the variety of characters of the Russian Silver Age (the end of the 19th – the first third of the 20th century). At the same time, this book is a scientific biography of the classic of book business and a valuable contribution to the bibliological biography studies. The author concludes that prerequisites have ripened for the formation of bibliological biography studies that generalize the human studies of library scientists, bibliography scientists and book scholars. Ideological position of the epic “Returned Rubakin” is expressed by the thesis: book is the means of cultivating intelligentsia. Traditionally, intelligentsia was understood in Russia as a reasonable, educated, mentally developed part of population. The article considers the concept of intelligentsia put forward by N.A. Rubakin. This concept embodies the ethical ideal of humaneness – the intellectual scribe of the Silver Age. The author concludes with a futurological fantasy: N.A. Rubakin in the digital noosphere. The article discusses the following issues: artificial intelligence in the service of bibliopsychology; man is a captive of artificial intelligence; the hypothetical realm of inhumanity; biography studies of humaneness.

Key words: bibliological epic, bibliography, bibliology, bibliopsychology, library, library science, biography studies, biography, intelligentsia, artificial intelligence, book culture, book science, noosphere, N.A. Rubakin, Silver age, futurology, humanity, epic, ethics.

Citation: Sokolov A.V. Humanistic Legacy of N.A. Rubakin in the Context of Digital Noosphere Phenomenon, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2020, vol. 69, no. 1, pp. 7–19. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-1-7-19.

References

1. Stolyarov Yu.N. *Vozvrashchennyy Rubakin* [Returned Rubakin]. Moscow, RShBA Publ., 2019, 416 p.
2. Borodina V.A., Borodin S.M. (eds). *Rubakin Nikolay Aleksandrovich: chrestomathy*. Moscow, Russkaya

- Shkol'naya Bibliotechnaya Assotsiatsiya Publ., 2014, 423 p. (in Russ.).
3. Belokurova S.P. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2006, 315 p.
4. Ovchinnikov V.F. *Fenomen talanta v russkoi kul'ture: monografiya* [The Phenomenon of Talent in Russian Culture: monograph]. Kaliningrad, Yantarnyi Skaz Publ., 1999, 356 p.
5. Berdyaev N.A. The Russian Idea, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1990, no. 2, pp. 135–136 (in Russ.).
6. Grikhanov Yu.A. (ed.) *Bibliotechnaya entsiklopediya* [Library Encyclopedia]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2007, 1300 p.
7. Averintsev S.S. *Plutarkh i antichnaya biografiya* [Plutarch and Ancient Biography]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 278 p.
8. Plutarch. *Izbrannye zhizneopisaniya: v 2 t. T. 1* [Selected Lives: in 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Pravda Publ., 1986, 592 p.
9. Takho-Godi A.A. (ed.) *Antichnaya literatura: uchebnyk* [Ancient Literature: textbook]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 464 p.
10. Rozhdestvenskaya E.Yu. *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow, Vysshaya Shkola Ekonomiki Publ., 2012, 381 p.
11. Chubaryan A.O. (ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki: terminologicheskii slovar'* [The Theory and Methodology of Historical Science: terminology dictionary]. Moscow, Akvilon Publ., 2014, 575 p.
12. Ikonnikova S.N. Biographical Studies as Part of the Historical Cultural Studies, *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture], 2012, no. 2 (11), pp. 6–10 (in Russ.).
13. Leonov V.P. *Bibliografiya kak professiya* [Bibliography as a Profession]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 124 p.
14. Mikheeva G.V. Biographical Studies as a Foundation for Recreating the History of Bibliography, *Bibliografiya* [Bibliography], 2012, no. 4, pp. 87–89 (in Russ.).
15. Kreidenko V.S. Outstanding Researchers in Library Science and Bibliography as an Object of Study. Why Not? *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2011, no. 2, pp. 3–10 (in Russ.).
16. Kolesnikova M.N. The Use of Scientific Biography Reconstruction Method in Librarianship Studying, *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2014, no. 3, pp. 3–5 (in Russ.).
17. Medvedeva E.V. Classification Biographies as One of the Biographics Research Methods in the Context of Library Branch, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvoznanie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 2016, no. 2 (22), pp. 198–205. DOI: 10.17223/22220836/22/21 (in Russ.).
18. Varganova G.V. Biographical Research in the Context of Interdisciplinary Synthesis, *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2018, no. 1, pp. 31–35. DOI: 10.20913/1815-3186-2018-1-31-35 (in Russ.).
19. Stolyarov Yu.N. *Yu.V. Grigoryev*. Moscow, Knizhnaya Palata Publ., 1989, 224 p. (in Russ.).
20. Ivanov-Razumnik R.V. *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli. T. 1. Individualizm i meshchanstvo v russkoi literature i zhizni XIX v.* [A History of Russian Social Thought. Volume 1. The Individualism and Philistinism in Russian Literature and Life of the 19th Century]. St. Petersburg, 1907, 440 p.
21. Kagan M.S. The Russian Intelligentsia Reproduction as a Pedagogical Issue, *Formirovanie rossiiskogo intelligenta v universitete* [The Russian Intelligentsia Formation at the University]. St. Petersburg, SPb-GUP Publ., 2000, pp. 130–133 (in Russ.).
22. Rubakin N.A. *Izbrannoe. V 2 t. T. 2* [Selected Works. In 2 volumes. Volume 2]. Moscow, Kniga Publ., 1975, 280 p.
23. Rubakin N.A. *Bibliologicheskaya psikhologiya* [Bibliological Psychology]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Triksa Publ., 2006, 800 p.
24. Sokolov A.V. Noosphere Man in the Library of Future, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2019, vol. 68, no. 1, pp. 7–17. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-1-7-17 (in Russ.).
25. Harari Yu.N. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Moscow, Sindbad Publ., 2019, 496 p.
26. Ivanov V.V., Malinetsky G.G., Sirenko S.N. (eds). *Kontury tsifrovoi real'nosti: Gumanitarno-tehnologicheskaya revolyutsiya i vybor budushchego* [The Contours of Digital Reality: The Humanitarian and Technological Revolution and the Choice of the Future]. Moscow, Lenand Publ., 2018, 344 p.